

УДК 343.13 (476)

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПО ИНИЦИАТИВЕ СУДА И РЕСТИТУЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2012 г.

С.Л. Емельянов

Гомельский госуниверситет им. Ф. Скорины

jurfac@gsu.by

Поступила в редакцию 04.04.2012

Раскрываются понятие, правовая природа таких форм возмещения вреда, причиненного преступлением, как возмещение вреда по инициативе суда, уголовно-процессуальная реституция и добровольное возмещение ущерба. Основное внимание уделяется наиболее дискуссионным аспектам реализации указанных форм возмещения вреда в уголовном процессе, с учетом их соотношения с исковой формой защиты прав. По результатам проведенного исследования вносится ряд предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: возмещение вреда по инициативе суда, уголовный процесс, гражданский иск, уголовно-процессуальная реституция, добровольное возмещение ущерба.

Наряду с гражданским иском уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь предусматривает ещё две формы защиты прав пострадавших от преступления лиц: возмещение вреда по инициативе суда и реституцию.

В том случае если по уголовному делу остаётся непредъявленным гражданский иск, суд уполномочен по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении вреда, причинённого преступлением (ч. 8 ст. 149 УПК). Данный уголовно-процессуальный институт имеет ряд свойственных только ему признаков. Прежде всего это касается субъектного состава складывающихся при реализации возмещения вреда правоотношений: основными субъектами здесь выступает суд и обвиняемый, а гражданский истец и гражданский ответчик как таковые отсутствуют. Далее, с учётом того что гражданский иск может быть заявлен до окончания судебного следствия, вопрос о взыскании ущерба подлежит рассмотрению только по истечении предельного срока на подачу искового заявления. Ещё одна особенность заключается в том, что обязанность по возмещению вреда может быть возложена только на обвиняемого, который непосредственно участвует в судебном разбирательстве и может доказывать как свою невиновность в причинении ущерба, так и наличие иных обстоятельств, освобождающих его от материальной ответственности. Возложить эту обязанность на лиц, несущих по закону матери-

альную ответственность за действия обвиняемого, нельзя, так как привлечение их в качестве гражданских ответчиков невозможно из-за отсутствия в деле гражданского иска, а иных форм их участия в производстве по возмещению ущерба УПК не предусматривает [1, с. 7].

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что взыскание ущерба по инициативе суда как способ защиты права недостаточно всесторонне и полно урегулирован уголовно-процессуальным законодательством [2, с. 118] и, как следствие, малоприменим [3, с. 104]. Однако, с нашей точки зрения, данный способ защиты права занимает более чем скромное место в судебной практике совсем по другой причине, поскольку в законе отсутствуют те процедурные нюансы, которые позволили бы суду полноценно её использовать.

Мы считаем, что окончательно всё прояснит рассмотрение обозначенной проблемы в ином ракурсе – с позиции определения ролевой функции взыскания ущерба как социального регулятора.

В качестве необходимой предпосылки решения столь фундаментальной задачи является, по нашему мнению, выяснение правовой природы исследуемого института.

В.Т. Нор отмечает, что возмещение вреда по инициативе суда выходит за рамки такой общепринятой в законодательной и правоприменительной практике конструкции, как гражданский иск в уголовном процессе [3, с. 7].

Некоторые авторы придерживаются иной точки зрения, полагая, что, хотя иск в данном случае и не предъявляется, здесь имеет место исковое производство, поскольку у субъекта спорного требования есть право на предъявление иска, но реализуется оно судом по собственной инициативе [4, с. 13–14].

У нас не вызывает возражений принадлежность процедуры разрешения судом незаявленного требования исковой форме защиты прав в гражданском процессе. Вместе с тем данная процедура допускается только в случаях, прямо указанных в законе, так как гражданское судопроизводство в целом покоится на принципе диспозитивности. Так, например, при рассмотрении иска о расторжении брака судом разрешается ряд требований независимо от того, были ли они заявлены или нет. В частности, при отсутствии Соглашения о детях суд обязан определить, при ком из родителей и кто из детей остаётся (ст. 39 Кодекса о браке и семье). Причём речь идёт именно о новых незаявленных требованиях, а не о выходе за пределы предмета спора.

Однако в гражданском процессе возможность решения судьбы непредъявленного иска обеспечивается возможностью варьирования субъектного состава института участвующих в деле лиц, что позволяет суду привлечь к каждому гражданскому делу всех заинтересованных субъектов. Последние, приобретя статус третьих лиц, становятся обладателями целого комплекса процессуальных прав, дающих возможность влиять на движение процесса.

Несколько иная картина складывается в уголовном судопроизводстве. В частности, специфика субъектного состава деликтных правоотношений такова, что, во-первых, не всегда потерпевший является истцом, а обвиняемый – обязанным лицом в гражданском охранительном правоотношении и, во-вторых, исключено участие в деле так называемых «третьих лиц». Заметим, что принципиальное значение не будет иметь даже то, что критериям «третьих лиц» вполне отвечают законные представители обвиняемых, так как они не составляют исчерпывающего перечня субъектов, несущих материальную ответственность за причинённый деликт (ст. 54 УПК).

Однако и при удачном стечении обстоятельств (т.е. при наличии схемы: потерпевший – предполагаемый истец, обвиняемый – предполагаемый «ответчик») о применении исковой формы защиты права говорить не приходится. Дело в том, что в силу принципа свободы осуществления гражданами своих прав суд не может вопреки воле материально пострадавшего лица решить вопрос о возмещении ему вреда,

тогда как он решил отказаться от иска. Но в нашем случае нормы УПК не предусматривают обязанности суда выяснять мнение потерпевшего о целесообразности взыскания ущерба. Тем самым нарушается принцип диспозитивности, четко выраженный в нормах о возможности истца в уголовном процессе использовать свое право на отказ от иска.

Если же мы в качестве теоретического допущения уполномочим суд выяснить волеизъявление потерпевшего, то данный факт может быть расценен стороной защиты как предвзятость суда и предрешённость будущего приговора. В противном случае делинквент будет поставлен в положение реальной незащищённости от возможного взыскания.

Проведённый анализ показывает, что недопустимо использовать опыт теоретических изысканий, касающихся института разрешения незаявленных требований в гражданском процессе, по принципу прямой аналогии.

В гражданском судопроизводстве, во-первых, разрешение незаявленных требований возможно только в начатом производстве деле; во-вторых, данное действие не предусматривается в ходе рассмотрения споров, вытекающих из деликтных отношений; в-третьих, судебные решения, определяющие судьбу непредъявленных требований, отличаются предсказуемостью и всегда основываются на обстоятельствах, бывших предметом обсуждения в судебном заседании.

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать, что взыскание причиненного преступлением ущерба, в силу непринадлежности к институту гражданского иска, а также в силу урегулированности исключительно нормами УПК, есть отдельный уголовно-процессуальный институт, хотя он по некоторым своим параметрам соответствует содержанию исковой формы защиты права.

Но придание особого статуса какому-либо институту ещё не означает признания его социальной ценности. Разрешив вопрос об используемой при удовлетворении незаявленных исков форме защиты права не в пользу исковой, мы, чтобы до конца быть последовательными, должны признать наличие серьёзных ограничений, обуславливающих сужение пределов защиты прав и законных интересов сторон деликтного правоотношения, а также умаление отдельных гарантий, предоставляемых указанным субъектам в искомом производстве.

В поле зрения, помимо прочего, должен находиться ещё один аспект проблемы, носящей доктринальный характер. В соответствии со ст. 19 ГПК и со ст. 24 УПК, судопроизводство

осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Функции обвинения, защиты и осуществления правосудия отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч. 2 ст. 24 УПК). Однако институт возмещения ущерба по инициативе суда сконструирован таким образом, что в ряде случаев участие сторон не предусматривает и во всяком случае не обеспечивает их равенство, о чём говорилось выше. Наряду с этим суд, принимая на себя выполнение процессуальных функций одной из сторон, вряд ли гарантирует справедливое и беспристрастное разрешение спора. Именно поэтому весьма низким является удельный вес возмещения ущерба по инициативе суда в общей структуре компенсации вреда. Из изученных нами дел только по одному из них было принято решение о возмещении вреда, причиненного преступлением, по инициативе суда и только в связи с тем, что потерпевший предъявил гражданский иск по окончании судебного следствия.

По всем тем же причинам не подлежит сохранению статус-кво, согласно которому рассматриваемый институт остаётся средством охраны прав пострадавших от преступления лиц. Любая модернизация локального характера не избавит этот институт от присущих ему недостатков, а радикальное реформирование, в свою очередь, неминуемо приведет к отождествлению его с гражданским иском. Данная дилемма легко объяснима тем, что недостатки анализируемой конструкции носят концептуальный характер, т.е. они были заложены ещё на этапе законодательного «проектирования». Отказ от исследуемого института не будет чреват никакими серьёзными последствиями. В настоящее время существует дублирующая его форма, согласно которой прокурор наделён правом предъявлять иск в защиту потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии либо по другим причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащим ему правом, а также предъявлять и поддерживать иск в интересах юридических лиц и государства (ч. 3 ст. 34 и ч. 6 ст. 149 УПК). Таким образом, в отличие от суда, который ни при каких условиях не может выполнять функции стороны в суде, прокурору такое полномочие предоставлено законом. По мнению автора, в целях реальной охраны прав граждан на прокурора должна быть возложена дополнительная обязанность предъявлять иски в интересах потерпевших, не способных самостоятельно отстаивать свои законные интересы.

Второй формой защиты прав пострадавших от преступления лиц, предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством, является уголовно-процессуальная реституция. В УПК определение данного института не даётся. Поэтому те его дефиниции, которые содержатся в юридической литературе, не отличаются единообразием.

Так, с точки зрения В.Я. Понарина, под уголовно-процессуальной реституцией следует понимать «восстановление в уголовном деле материального положения лица, пострадавшего от преступления, посредством возвращения ему в порядке, указанном в законе, вещественных доказательств, а при необходимости – предметов того же рода и качества или уплаты их стоимости, если это возможно без ущерба для производства по делу» [5, с. 44]. Н.И. Газетдинов, ещё более расширяя понятие реституции, считает таковой «не столько возврат непосредственно похищенного имущества, но и все случаи возмещения причинённого преступлением материального ущерба в его натуральном, естественном выражении» [6, с. 11].

Приведенные трактовки свидетельствуют о приверженности их авторов концепции расширительного толкования реституции.

Более конкретный смысл в уголовно-процессуальную реституцию вкладывают другие учёные, полагающие, что ею является «восстановление материального положения потерпевшего путём возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления» [7, с. 29]. На данной позиции стоят С.А. Александров [8, с. 28], А.Г. Мазалов [1, с. 25], В.Т. Нор [3, с. 28].

Сравнение имеющихся в юридической литературе представлений о сущности рассматриваемой процедуры сквозь призму соответствующих норм УПК даёт основание усомниться в самостоятельности первых двух формулировок. Так, не совсем правильно усматривать в возвращении пострадавшему лицу вместо вещественных доказательств предметов того же рода и качества (или их стоимости) один из основных элементов реституции, поскольку такие действия рассчитаны на вполне конкретную правовую ситуацию, когда в качестве вещественных доказательств выступают предметы, подвергающиеся быстрой порче и отсутствует возможность их своевременного возврата владельцу (ч. 5 ст. 97 УПК). К тому же в данном случае речь идёт не о реституции со стороны виновного, а о компенсации со стороны учреждений, использовавших указанные предметы по назначению. Что касается второй формулировки, то ею необоснованно ассимилируются ком-

поненты других форм возмещения вреда (в частности, гражданского иска).

На взгляд автора, действующему законодательству в целом соответствует последний процитированный вариант дефиниции уголовно-процессуальной реституции, но с учётом ряда поправок. Во-первых, посредством данной формы защиты права возможно восстановление материального положения не только физических, но и юридических лиц; во-вторых, в УПК введена новелла, согласно которой деньги и иные ценности, приобретённые преступным путем, по приговору суда обращаются на возмещение вреда от преступления потерпевшему, иному лицу или подлежат конфискации (п. 4 ст. 98 УПК).

С учетом изложенного, под уголовно-процессуальной реституцией следует понимать восстановление материального положения пострадавших физических и юридических лиц посредством возвращения им вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления, а также передачи денег и иных ценностей, добытых преступным путем.

Уместно будет указать, что содержание уголовно-процессуальной реституции в белорусском судопроизводстве не соответствует содержанию одноименной формы возмещения вреда в международном законодательстве, точнее – рассматривается в более узком смысле. Согласно Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, реституция состоит в возврате собственности или выплатах за причиненный вред, возмещении расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставлении услуг и восстановлении в правах жертв, их семей или иждивенцев правонарушителями или лицами, несущими ответственность за поведение последних (ст. 8–11 Декларации).

Уголовно-процессуальная реституция регламентируется ст. 96–98, 365 и рядом других статей УПК. Её предметом являются вещи, принадлежавшие пострадавшему лицу и выбывшие из его владения в результате совершённого преступления. Указанные вещи должны быть надлежащим образом – процессуально – закреплены в качестве вещественных доказательств, подробно описаны в протоколах осмотра и других следственных действий, по возможности сфотографированы и приобщены к уголовному делу постановлением органа, ведущего уголовный процесс. Как правило, они подлежат возврату законным владельцам после вступления приговора в силу или до истечения срока на обжалование постановления или определения о

прекращении дела производством. На более ранних этапах вещественные доказательства возвращаются по принадлежности, если они являются предметами, подвергающимися быстрой порче (мясомолочные продукты, фрукты и т.д.), и если это возможно без ущерба для расследования и рассмотрения уголовного дела. Причём в первом случае вещи при невозможности их передачи пострадавшему сразу после осмотра сдаются в соответствующие учреждения для использования по назначению. В последующем, как мы уже отмечали, пострадавший может получить их аналоги или их денежный эквивалент.

Важными предпосылками для применения реституции являются наличие в деле фактических данных, подтверждающих право собственности (владения) конкретных лиц в отношении вещественных доказательств, а также отсутствие спора о праве на утраченное имущество. Если такой спор имеется, он подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства (п. 4 ст. 98 УПК).

По мнению некоторых авторов, когда вопрос о возврате вещественных доказательств решается следователем до окончания расследования, то акт реституции должен быть облечён в соответствующую процессуальную форму. Основанием для передачи вещей может служить только постановление, а перечень возвращаемых предметов (с точным указанием их количества, меры, веса, индивидуальных признаков и стоимости) должен найти отражение в протоколе о применении уголовно-процессуальной реституции. Какое-либо утрирование данной процедуры недопустимо [2, с. 109].

Подобное широко распространенное мнение, на наш взгляд, не соответствует требованиям действующего законодательства. Как было сказано выше, реституция в качестве отдельной формы возмещения вреда в УПК не выделяется и не является следственным (процессуальным) действием. Поэтому она не может оформляться путем составления соответствующего протокола. Единственным доступным средством фиксации передачи материальных ценностей законному владельцу является отметка о передаче их данному лицу на хранение в постановлении о приобщении к уголовному делу вещественных доказательств. При этом от потерпевших истребуется расписка о получении и надлежащем сохранении вещественных доказательств до вступления приговора в законную силу, которая приобщается к материалам дела. Однако такие действия нельзя расценивать как реституцию.

Параллельно заметим, что передача материальных ценностей их законным владельцам на

хранение широко распространена в следственной практике. Подобного рода деятельность должна отличаться избирательностью, поскольку такая передача допустима, если не повлечет за собой ущерба для производства по уголовному делу. Практически единственно весомой причиной отказа в возврате вещественных доказательств является наличие неотделимых или трудно отделимых следов преступления, сохранившихся на данных предметах, потому что решение о возврате может повлечь реальную невозможность в ряде случаев осмотра судом соответствующих предметов по причине их утраты в результате небрежного хранения. Тем самым может быть нанесен ущерб процессу доказывания.

Осуществление следователем полноценной реституции возможно только при прекращении производства по уголовному делу, факт которой должен отражаться в соответствующем постановлении.

По делам же, направленным в суд, судьба вещественных доказательств разрешается в приговоре, определении или постановлении о прекращении дела. Следовательно, о реституции как о форме возмещения ущерба можно говорить лишь тогда, когда она включает два момента: вынесение приговора, определения или постановления о прекращении производства по уголовному делу и фактическую передачу вещественных доказательств собственнику (законному владельцу).

Говоря о пределах реституции, нельзя не отметить ряд накладываемых на неё ограничений. Не подлежат реституции, во-первых, вещи, запрещённые к обращению; во-вторых, деньги и другие ценности, явившиеся предметом взятки, за исключением случаев, когда в отношении взяткодателя имело место вымогательство и он добровольно заявил об этом до передачи взятки; в-третьих, имущество, поступившее во владение пострадавшего на незаконных основаниях. Необходимо также акцентировать внимание еще на одном аспекте рассматриваемой формы возмещения вреда. Лицом, обязанным возместить вред, несомненно, является обвиняемый. Однако возврат вещественных доказательств владельцам может быть осуществлен не иначе как органом уголовного преследования или судом. Материальные ценности должны быть обязательно процессуально оформлены в качестве вещественных доказательств даже в том случае, когда они были переданы обвиняемым или иными лицами непосредственно пострадавшему лицу. При таких обстоятельствах осуществляется выемка соответствующих предметов с последующим их приобщением к делу в качест-

ве вещественных доказательств и, по возможности, возвратом.

Обобщая различные аспекты уголовно-процессуальной реституции, можно резюмировать, что данный институт позволяет во многих случаях быстрее, чем, например, гражданский иск, восстановить нарушенное преступлением имущественное положение пострадавших физических и юридических лиц.

Помимо урегулированных уголовно-процессуальным законом способов возмещения причинённого преступлением вреда в судебно-следственной практике реализуется ещё один – добровольное возмещение ущерба. Эта форма возмещения ущерба является, с уголовно-правовой точки зрения, обстоятельством, смягчающим ответственность обвиняемого (п. 4 ст. 63 УК).

Судебно-следственная практика свидетельствует о наличии нескольких способов процессуального закрепления факта добровольного возмещения вреда. Так, самым распространенным способом является отражение указанного факта в протоколе допроса потерпевшего. Кроме того, потерпевшие делают письменное заявление о том, что им ущерб возмещен и претензий они не имеют. Однако и в последнем случае производится дополнительный допрос данных участников процесса. Добровольное возмещение вреда юридическим лицам подтверждается квитанцией к приходному кассовому ордеру и сообщением данных лица, которые приобщаются к материалам уголовного дела.

Процедура самого возмещения в материалах дела не фиксируется, поскольку не регулируется нормами УПК. В связи с этим вносились различные предложения по восполнению указанного пробела. Так, В.А. Азаров считает, что «когда сумма материального ущерба установлена и не вызывает возражений ни у потерпевшего, ни у обвиняемого, который желает его возместить, следователю целесообразно не препятствовать непосредственной передаче в своем присутствии определенной суммы лицу, пострадавшему от преступления» [9, с. 149].

На наш взгляд, процедура добровольного возмещения вреда не подлежит урегулированию нормами уголовно-процессуального законодательства ввиду нецелесообразности, поскольку отсутствует необходимость включать в субъектный состав соответствующих отношений орган, ведущий уголовный процесс. Такие отношения достаточно полно урегулированы нормами гражданского законодательства. К тому же необходимо учитывать широкий круг возможных конкретных субъектов возмещения (например, сам обвиняемый, его родители, родственники), необходимость принадлежности материальных

ценностей исключительно обвиняемому (значение имеет сам факт возмещения вреда и деятельность возмещителя вреда в интересах обвиняемого и согласно его волеизъявлению), а также разнообразие способов возмещения вреда.

Подытоживая, следует признать необходимым и достаточным, с процессуальной точки зрения, отражение факта добровольного возмещения вреда в протоколе допроса потерпевшего, представителя юридического лица. В качестве дополнения к материалам дела могут прилагаться платежные документы.

Добровольное возмещение вреда в ряде случаев органично вписывается в реституционные процессы. Обвиняемый (подозреваемый) может по своей инициативе передать следственным органам похищенное имущество, которое впоследствии возвращается его законным владельцам. В то же время, как показывает следственно-судебная практика, судами иногда допускается следующая ошибка: в качестве смягчающего вину обвиняемого обстоятельства признается полное или частичное возмещение вреда и тогда, когда похищенное имущество обнаруживается и изымается в результате действий исключительно следственных органов, без какого-либо содействия со стороны обвиняемых (подозреваемых), в частности в ходе задержания подозреваемого. Поэтому судам надлежит в обязательном порядке учитывать условия обнаружения и изъятия вещественных доказательств, на основе чего разграничивать возмещение вре-

да как обстоятельство, смягчающее ответственность, и возмещение вреда как одно из последствий совершенного преступления.

Список литературы

1. Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1977. 176 с.
2. Понарин В.Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 1994. 354 с.
3. Нор В.Т. Защита имущественных прав в уголовном судопроизводстве. Киев: Высш. школа, 1989. 273 с.
4. Башкатов Н. Гражданский иск в уголовном процессе // Советская юстиция. 1986. № 14. С. 13–14.
5. Понарин В.Я. Уголовно-процессуальная реституция // Правоведение. 1988. № 1. С. 41–46.
6. Газетдинов Н.И. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 95 с.
7. Зинагуллин З.З. Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. 99 с.
8. Александров С.А. Уголовно-процессуальная реституция // Советская юстиция. 1990. № 5. С. 28.
9. Азаров В.А. Добровольное возмещение в уголовном процессе материального ущерба, причиненного преступлением // Укрепление законности предварительного расследования в условиях перестройки: Сб. науч. тр. / МВД, Высш. следств. шк.; Редкол.: В.С. Шадрин (отв. ред.) и др. Волгоград: Высш. следств. шк. МВД СССР, 1990. С. 148–152.

COMPENSATION FOR HARM ON THE INITIATIVE OF THE COURT AND RESTITUTION IN CRIMINAL PROCESS: SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION

S.L. Yemelyanov

The article describes the concept and the legal nature of such forms of compensation for harm caused by crime as court-initiated recovering compensation, restitution under criminal procedure and voluntary compensation for harm. It focuses on the most controversial aspects of the implementation of these forms of compensation for harm in the criminal process, taking into account their relationship with actionable protection of rights. A number of proposals aimed at improving the existing legislation and law enforcement procedure are made.

Keywords: criminal procedure, civil action, court-initiated compensation for harm, criminal procedure restitution, voluntary compensation for harm.